DOI 10.22455/2619-0311-2018-4-148-153

УДК 82+821.161.1

ББК 83+83.3(2=411.2)

П. Е. Николаева

**Кровь пролитая и непролитая
в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»**

P. E. Nikolaeva

**Shed and Unshed Blood
in F. M. Dostoyevsky's Novel "Crime and Punishment"**

Об авторе: Полина Евгеньевна Николаева, учащаяся, Новгородская область, Парфинский район, п. Пола.

E-mail: nickolaeva.polina2012@yandex.ru

Аннотация: данная работа является попыткой рассмотреть мотив крови в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Кровь – не просто повторяющееся слово в романе. Вопрос о пролитой крови является, на наш взгляд, основным. Суть данной работы – наблюдение за тем, как отвечают на этот вопрос герои романа Достоевского. В процессе этих наблюдений можно, как нам кажется, приблизиться к пониманию основных смыслов романа «Преступление и наказание».

Ключевые слова: Достоевский, «Преступление и наказание», кровь пролитая и непролитая.

Для цитирования: Николаева П. Кровь пролитая и непролитая в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Достоевский и мировая культура. 2018. No 4. С. 148-153. DOI 10.22455/2619-0311-2018-4-148-153

About the author: Polina E. Nikolaeva, student, Pola, Novgorod region, Parfinsky district.

E-mail: nickolaeva.polina2012@yandex.ru

Abstract: This work is an attempt to consider the motive of blood in F.M. Dostoyevsky's novel "Crime and Punishment". Blood is not simply a repeating word in the novel: in my opinion, the question of shed blood is a main one. The essence of this work is the observation of how heroes answer this question. It seems to me that this proceeding can help us to get closer to the understanding of the main meanings of the novel "Crime and Punishment".

Keywords: Dostoyevsky, "Crime and Punishment", shed and unshed blood

For citation: Nikolaeva P. Shed and Unshed Blood in F. M. Dostoyevsky's Novel "Crime and Punishment" // Dostoyevsky and World Culture. 2018. No 4. Pp. 148-153. DOI 10.22455/2619-0311-2018-4-148-153

Главный вопрос, который задаёт себе Раскольников и на который он пытается ответить – можно ли пролить кровь по совести? На этот вопрос в романе существует много ответов, как прямых, так и косвенных. Разумихин, впервые услышав изложение теории Раскольникова, говорит ему: «Оригинально во всем этом, – и действительно принадлежит одному тебе, к моему ужасу, – это то, что все-таки кровь по совести разрешаешь, и, извини меня, с таким фанатизмом даже... В этом, стало быть, и главная мысль твоей статьи заключается. Ведь это разрешение крови по совести, это... это, по-моему, страшнее, чем бы официальное разрешение кровь проливать, законное» [Достоевский 1972–1990: VI, 202–203]. Таким образом отрицательный ответ формулируется Разумихиным уже в начале романа – мысль о крови по совести не должна даже появляться у человека, так как она противоречит его сущности. Но вопрос, однако, возникает на протяжении всего произведения. Мысль о возможности и невозможности пролить кровь самому, проверить себя терзают Раскольникова, он бредит ею наяву и во сне.

В первом сне Миколка с «налитыми кровью глазами» [Достоевский 1972–1990: VI, 49], то есть очень яростно, со звериной жестокостью, забивает до смерти савраску. В нем маленький Родион «с криком пробивается сквозь толпу к савраске, обхватывает ее мертвую, окровавленную морду и целует ее, целует ее в глаза, в губы...» [Там же]. Морда лошади окровавлена, но она не испачкана в крови, а пропитана собственной кровью савраски, кровью, которую Миколка проливает, не задумываясь о совести, из самодурства. Маленький Раскольников обхватывает окровавленную морду, прижимается к ней и тактильное ощущение липкой теплой крови возникает в нем сразу после сна: « – Боже! – воскликнул он, – да неужели ж, неужели ж, я в самом деле возьму топор, стану бить по голове, размозжу ей череп... буду скользить в липкой, теплой крови, взламывать замок, красть и дрожать; прятаться, весь залитый кровью... с топором... Господи, неужели?» Он дрожал как лист, говоря это» [Достоевский 1972–1990: VI, 50]. Чувствуя у себя на руках эту кровь, Раскольников ощущает себя не защитником бедной лошадки, а её убийцей. Это говорит о том, что во сне Раскольников является и ребёнком, и бедной лошадёшкой, и Миколкой. Но это означает и другое: кровь, пролитая Миколкой, попавшая на руки Родиона, будто остаётся на них наяву, и, словно проникая в его сознание, как бы становится грязнящей.

В сцене совершения преступления Раскольников в реальности проливает чужую кровь. Он, как будто вспоминая свои ощущения после сна, старался «не замараться текущею кровью» [Достоевский 1972–1990:

VI, 63], «старался всё не запачкаться» [Там же]. Старания Раскольникова напрасны, страшные ощущения сна возникают наяву: «руки его были в крови и липли» [Достоевский 1972–1990: VI, 65]. Пролитая кровь доводит его до исступления, она везде: «на бахромке (пantalон) оставались густые следы запекшейся крови» [Достоевский 1972–1990: VI, 71], «в кармане тоже должна быть кровь» [Достоевский 1972–1990: VI, 72], «в подкладке кармана есть следы, пятна» [Там же], «весь кончик носка пропитан кровью» [Там же]. Он старается избавиться от внешних следов крови, надеется, что кровь никто не увидит: «Пятна есть, но не совсем приметно; всё загрязнилось, затерлось и уже выцвело» [Достоевский 1972–1990: VI, 73]. Кровь убитых все глубже проникает внутрь, изменяет его и тянет на место преступления. Он приходит в квартиру старухи не потому, что хочет туда идти, его словно привели туда, словно эта грязнящая, пролитая кровь заставляет его. Он расспрашивает работников про лужи крови, которые были там раньше. Он словно хочет снова всё вспомнить, почувствовать, мучается от желания, чтобы все узнали о его преступлении, и боится этого. «Прежнее, мучительно-страшное, безобразное ощущение начинало всё ярче и живее припоминяться ему, и всё приятнее и приятнее становилось» [Достоевский 1972–1990: VI, 134]. Это приятное, сладкое и страшное чувство возбуждала грязнящая кровь, всё глубже проникающая в его сознание, словно болезнь.

После совершения преступления Раскольников действительно заболевает: «А это кровь в тебе кричит (говорит ничего не подозревающая Настасья. – П.Н.) Это когда ей выхода нет и уж печенками запекаться начнет, тут и начнет мерещиться...» [Достоевский 1972–1990: VI, 92]. У Раскольникова началась лихорадка, и Настасья говорит о том, что кровь «кричит», так как не может выйти из его организма.

Нужно отметить, что вплоть до конца 19 – начала 20 века существовало такое лечебное мероприятие, как кровопускание, заключающееся в извлечении некоторого количества крови при помощи прокола, разреза вены или посредством пиявок. Но болезнь Раскольникова нельзя вылечить кровопусканием, так как эту болезнь вызывает грязнящая кровь, находящаяся в его сознании.

Раскольников проливает кровь старухи процентщицы и Лизаветы, но его кровь не проливается ни разу. Ему не представляется случая воспользоваться кровопусканием и даже на каторге, когда его хотели убить как безбожника, «конвойный успел вовремя стать между ним и убийцей – не то пролилась бы кровь» [Достоевский 1972–1990: VI, 419]. Раскольников не может искупить свои грехи пролитием собствен-

ной крови, так как он должен проделать путь духовного искупления самостоятельно.

Кровь Раскольникова не может пролиться, а вот кровь Катерины Ивановны, жены Мармеладова, словно просится наружу. Она проливается постоянно: «Глубокий, страшный кашель прервал ее слова. Она отхаркнулась в платок и сунула его напоказ священнику, с болью при-держивая другою рукой грудь. Платок был весь в крови...» [Достоевский 1972–1990: VI, 144]. Чахотка, которой болела Катерина Ивановна, может быть, вызвана плохими условиями жизни, но в её случае болезнь усугубляется чувством вины перед Соней и собственным бессилием. Перед смертью Екатерина Ивановна истекает кровью: «Но когда раз-глядели хорошенько Катерину Ивановну, то увидали, что она вовсе не разбилась о камень, как подумала Соня, а что кровь, обагрявшая мосто-вую, хлынула из ее груди горлом» [Достоевский 1972–1990: VI, 332]. Мармеладов, затоптанный лошадьми, так же умирает, истекая кровью. Две страшные смерти как искупление вины перед Соней, от которой оба требовали жертвы, и у кого просили прощения («Она с страданием по-смотрела на нее: – Иссосали мы тебя, Соня» [Достоевский 1972–1990: VI, 333]. «Соня! Дочь! Прости! – крикнул он») [Достоевский 1972–1990: VI, 145].

Кровь Мармеладова, постоянно пьяненького человека, повинного в бедах своей семьи, словно спасает Раскольникова. Родион помогает умирающему и отдаёт почти все свои деньги его вдове: «он уже успел найти полотенце, намочил его водою и стал обмывать залитое кровью лицо Мармеладова [Достоевский 1972–1990: VI, 140]. Этот поступок словно возрождает Раскольникова к жизни, наполняет новыми силами и очищает его. Тут кровь Мармеладова является очищающей для Рас-кольникова. Умирающего Мармеладова можно сравнить с забитой ло-шадёнкой из сна, кровь которой тоже может очистить. Выходя из дома Мармеладова, Раскольников уже был полон «нового, необъятного ощу-щения вдруг прихлынувшей полной и могучей жизни» [Достоевский 1972–1990: VI, 146].

После смерти Мармеладова Никодим Фомич спрашивает у Расколь-никова о пятнах крови на его жилете, на что Раскольников отвечает: «Да, замочился... я весь в крови! – проговорил с каким-то особенным видом Раскольников» [Достоевский 1972–1990: VI, 145]. Он пачкает в кро-ви свой новый, поменянный Разумихиным костюм, и счастлив от это-го чувства жизни, силы и обновления. Раскольникову нравится ощущать на себе действенную силу очищающей крови, ему хочется снова и сно-

ва повторять это слово. В разговоре с Пульхерией Александровной он специально говорит о крови на своей рубашке: «Я только что проснулся и хотел было идти, да меня платье задержало; забыл вчера сказать ей... Настасье... замыть эту кровь...» [Достоевский 1972–1990: VI, 173].

Кровь соединяет героев в некую систему. Раскольников, пролив кровь старухи и Лизаветы, не разрешает ни одного своего вопроса, заражая себя трихином чужой крови, которая просится наружу. Катерина Ивановна и Мармеладов искупают кровью страшную вину перед Соней и открывают Раскольникову путь очищения.

Но в романе есть герой, которому путь очищения почему-то не открывается. Свидригайлов. Он живёт так, как хочет, не считаясь с окружающими, равнодушно совершает как хорошие, так и плохие поступки. Многие считают его жестоким и подлым человеком, да и он сам даёт себе не лучшую характеристику: «Я человек грешный!» [Достоевский 1972–1990: VI, 370], «люблю клоаки именно с грязнотой» [Там же]. «Я человек развратный и праздный» [Достоевский 1972–1990: VI, 222], «мрачный, скучный» [Достоевский 1972–1990: VI, 368]. Свидригайлов с «румяными, алыми губами» [Достоевский 1972–1990: VI, 357], словно обагрёнными кровью, странно соотносится с вампиром. Его повсюду окружают насекомые. Мухи летают над его бифштексом, он сам представляет свою «будущую жизнь» [Достоевский 1972–1990: VI, 221], как закоптелую избу с пауками. Да и его самого можно сравнить с пауком: «вреда не делаю, и сижу в углу; иной раз три дня не разговарят» [Достоевский 1972–1990: VI, 368]. Удивительно, что такой герой, от которого не странным было бы ожидать преступления, кровь в романе не проливает, наоборот проливается его кровь.

Дуня, сестра Родиона Раскольникова, спасаясь, стреляет в него из револьвера: «Что это? Кровь! – Он вынул платок, чтоб обтереть кровь, тоненькою струйкой стекавшую по его правому виску; вероятно, пуля чуть-чуть задела по коже черепа» [Достоевский 1972–1990: VI, 382]. Свидригайлов хотел умереть от рук любимой женщины, но не получив этого, отправляется в «Америку» [Достоевский 1972–1990: VI, 394], стреляя из револьвера в свой правый висок, словно заканчивая начатое Дуней.

Дуня могла пойти по пути своего брата, но её от совершения преступления спасает осечка револьвера. Для Дуни пролитие чужой крови является самым страшным грехом. «Но ведь ты кровь пролил! – в отчаянии вскричала Дуня» [Достоевский 1972–1990: VI, 400], обращаясь к брату. Нельзя не заметить, что реакция Дуни на пролитую кровь такая

же, как и у Разумихина. Поэтому становится ясно, что осечка револьвера не была случайностью, она была спасением Дуни.

Список литературы

1. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Л.: Наука, 1973.

References

1. Dostoevskii F. M. Poln. sobr. soch.: V 30 t. [Complete Works in 30 vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)